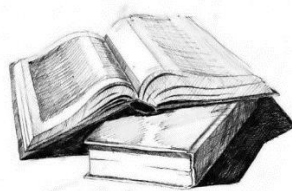

АРХЕО·ГРАФИКА

№9, ноябрь 2018 г. ~ Трудami Археографической лаборатории Истфака МГУ

В номере:

Одна поездка в Чернопенье:

опыт воспоминания

Мария Сиднева, 1 курс, маг.

Письма старообрядца

Ксения Сироткина, 2 курс

«Совесь, благородство и достоинство»: за какую

власть не стыдно

старообрядцу?

Елизавета Карпукова, 4 курс,

Книга, кино и

разочарование: как стать

новым старообрядцем

Д.А. Сундукова, Архлб

магистратура

Пытливость ума и опыт веры:

старообрядческий

интеллектуал И.В. Сагнак

Валентин Голубев, 1 курс, маг.

Старообрядческое детство

(религиозное детство

в Советском союзе)

Александра Азизова, 1 курс, маг.

Община поморцев г.

Майкопа: между столицей и

станцией

Е.С. Воронцова, Архлб

Костромская экспедиция Истфака МГУ – 2018

ОДНА ПОЕЗДКА В ЧЕРНОПЕНЬЕ: ОПЫТ ВОСПОМИНАНИЯ

Зима все никак не наступит и это очень утомляет. Впрочем погода пасмурная и скоро может пойдет снег. Лучше всего встать у открытого окна и закрыть глаза: для слуха большой остывший город похож на комок зимующих пчел, монотонно гудящих в улье, и руки стынют. Или, может быть, так течет Волга...

Читаю дневник: «24 июля. Дожливо. Втроем...» – мы ходили к тете Люсе. Вот мы в спешке добрались до вокзала, старательно смотрели в окно автобуса, пока ехали – и приехали не туда. Да, бывает! Вернулись до нужного поворота – ошибка наша не стоила нам более получаса, может и не так много по сравнению с тем, какой длинной показалась дорога к самому селу.

Узкая асфальтированная дорога идет перпендикулярно к трассе по направлению к реке. Дождь, к счастью, кончился. Красивая июльская русская равнина кажется еще более ровной под пасмурным небом, на обочинах цветет таволга и кипрей. Хорошо идти между двумя Ольгами, ведь сегодня же святая Ольга, княгиня-апостол Руси...

Только жадность добраться поскорее свела нас раньше времени к другой деревне: кустарники бузины, дома стоят, как-то отвернувшись – наш проводник, рыжий мальчик на пенопластовом плоту плывет по пруду. Игорь, проводи нас! Ведет мимо поля по сырой траве и не знает Игорь ничего про христианскую веру, ходит Игорь с местными «разбойниками» играет. Рассказал нам, откуда пошло название Чернопенья.

Вот куда нам нужно – Чернопенья! Как же можно ошибиться: стоит красный каменный храм Николы и течет река Волга. Хозяйка живет на пригорке прямо у самой воды. Как зовут хозяйку? Тетя Люся, Людмила Григорьевна Стругова.

Заждалась, и как же неловко, что опоздали, что хлеба не купили, что ноги промокли. Извинения. Хозяйка суетится нас накормить – ставит на огонь картошку, потом ведет нас в комнату. Дом большой, даже слишком для одинокого человека и человека старого. В гостиной пусто, тихо и от больших окон светло ровным пасмурным светом. Интерьер: я помню на стене фотокарточка молодой хозяйки, что-то кружевное и диван, на который нас усадили, а больше всего вид из окна на свинцовое течение Волги. Какая властная река! Смотрит на нее Людмила Григорьевна и, наверно, вспоминает, как переселялась из родной Шунги в далекие 50-е сюда, в Чернопенья, от затоплений еще девушкой, еще более юной, чем на той фотографии.

Спрашиваем про семью, про знакомых, про прошлое. Ведь Людмила Григорьевна из старообрядческой семьи белокриницкого согласия, пронесла веру через всю свою долгую и многотрудную жизнь. Кажется, сколько всего можно рассказать, но она не торопится. Немного про родителей, про тятеньку, строгое воспитание, про несчастливое замужество, про двух сестер и брата, про дочь, про то, как в церковь ходили за много километров. И всё – больше ничего рассказывать не буду, обыкновенная жизнь.

Уходим на кухню, садимся за стол, а Людмила Григорьевна пристраивается на широкий подоконник окна, выходящего к ухоженной клумбе. Пора рассказать о нас самих, теперь вопросы задает хозяйка. Спрашивает верующие ли мы, интересуется делами новообрядческой церкви искренне, иногда с доброй насмешкой. Спрашивает, как молитесь за усопших – читаю заупокойную молитву. «Одно слово неверно» – комментирует Людмила Григорьевна. Сама она в молодости имела сильный красивый голос, пела и в церкви, правда устав осваивать было непросто. Запевает 102 псалом, просит подпевать. Но вот голос совсем непослушный, и жалобно замолкает.

Фото В. Жуковской, 2017

Тетя Люся маленького роста с короткими белыми волосами держится за голову, и что в этом жесте – я описать не могу. «Всех пережила – как кошка живучая». От него она становится совсем маленькой и похожей на котенка, а голос, как будто щербатый, неровно прыгает в интонациях. В этой голове крепкая боль – большая хозяйка.

«Я и не живала, а сколько переработала», разве грозный XX век поссорил неразлучные жизнь и труд? Она знает и знала это сполна, отвечая дружкой и терпением. Теперь пасмурно, а недавно была гроза, значит, не будет еще конца света вскорости – вот и живем. А к смерти уже все готово, хозяйка приносит из соседней комнаты сверток со смертным, развязывает, раскладывает на коленях и подробно рассказывает. Бывало, не раз помогала беззаботным соседям с последним платьем, отдавала, шила, а теперь зрение меркнет. А нам, девкам – платки. В подарок гостинцы – ворох платков в коробке. У зеркала не очень умело учимся закалывать булавкой. Мой платок приятных коричнево-золотых листьев: «Зачем так надеваешь, так только монахини носят». Любуется и радуется как хорошо, как красиво, уж совсем не как узлом. Особо дорогие платки, что остались от сестры, их никому не отдает.

Фото В. Жуковской, 2017

Разговор затянулся, день начал клониться к вечеру. Хозяйка говорит оставаться на ночь. Нет, мы поблагодарим и уедем, пусть для такого большого дома и такой гостеприимной хозяйки это не будет огорчением. Пусть гости будут в радость. Проходя в соседнюю комнату, ступаем озябшими ногами по сотканным ее руками половикам длинным и цветастым. Комната не большая, но уютная, здесь ночует дочь, когда приезжает. Лампочка на столе – может ей стоит загораться чаще? Вот лампадка, которую сделал один жилец, несчастный заблудившийся человек, которого приютила к себе Людмила Григорьевна, а с ним и молва, и слезы, текущие по

старым щекам. Он сгорел, и она плачет, когда смотрит на смастеренные им в добрый час вещи, которые здесь повсюду.

В окно запрыгивает кошечка маленькая, аккуратная, трется и ложится на колени, мурчит, как ей хорошо у хозяйки, а хозяйке хорошо о ком-нибудь заботиться. Нам, простуженным студентам, Людмила Григорьевна приносит занимательную настойку из алоэ от кашля, и мы еле уговариваем ее пощадить пышные столетники в глиняных горшках, согласившись только на одну ветку, колючую и сочащуюся свежим соком. А потом по кусочку шоколадки.

Смотрим фотоальбом – много сюжетов приходской жизни. Ведь жить в селе, где есть храм, где можно молиться с единоверцами – большая милость Бога, на которую человек отвечает милосердием к окружающим. Людмила Григорьевна верит, что нужно говорить, мягко убеждать и сеять семена веры. Может то, что потеряли дети, возродится во внуках, и ей отрадно глядеть детей, приезжающих в детский лагерь при храме.

А говорить Людмила Григорьевна может и резко, но очень искренне и ни единого слова осуждения, ни о ком из тех, кто причинил столько боли, кто злословит, кто не понимает. Что в этой терпеливости и простоте, которая наполняет собой все пространство вокруг, верности и надежде? Хозяйка искусная – как женщина, уставшая от долгого рукоделия, опускает руки и смотрит в окно. Осталось не так много и узор будет завершен – вот он, весь перед глазами: длинный, красивый, богатый, таинственный, сложный, быть может, где-то закрались ошибки, может от усталости все тяжелее довершать стройное плетение, может, не хватает помощника...

Можно сфотографировать. Будет хорошо на фоне раскидистых гортензий. Хозяйка отламывает, чтобы держать в руке небольшую головастую веточку с бело-зеленым бумажным соцветием, это тоже подарок. Красивая, очень красивая хозяйка, не грустите, каждому свое.

Выходим за калитку, медленно спускаемся к холма, торопимся с последними вопросами. Раскланялись, уехали. Думал таксист, что навещали родню, как у поэта – душа для души... не мать, не сестра, а селенье в глуши и долгая зимняя пряжа...

Зимняя пряжа... Зимой засушенные цветы радуют взгляд и напоминают о лете, немного пылятся и выцветают на коротком солнце. Подаренная нам ветка гортензии благополучно добралась в ту ночь до епархии, поселилась в стакане на столе, а потом все уехали, а дальше я не

знаю. Знаю только, что гортензии хороши и сухие, а еще гортензия – это сад. Конечно же, в саду у такой доброй хозяйки не раз отдыхал Христос.

Мария Сиднева, 2 курс, магистратура

ПИСЬМА СТАРООБРЯДЦА

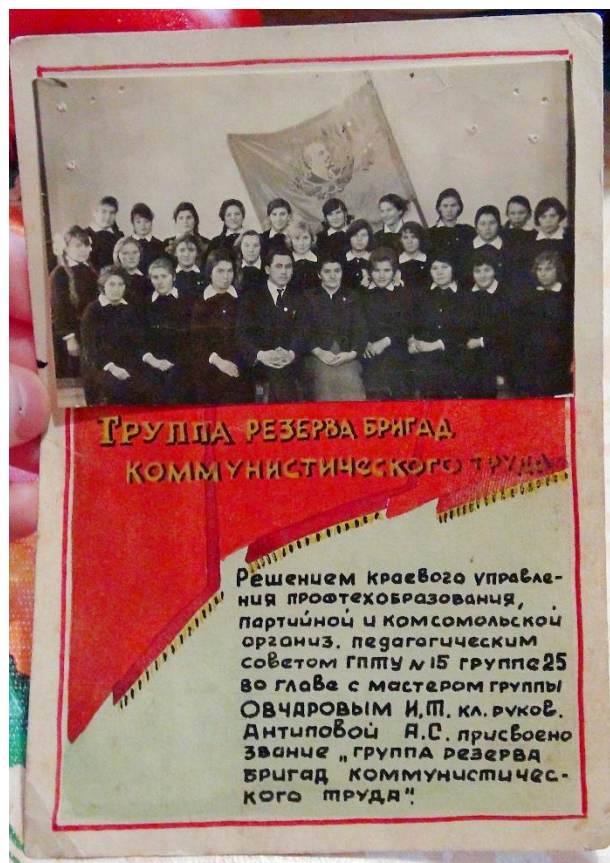
Никогда не думала, что спустя три месяца после археографической экспедиции, участь на втором курсе исторического факультета, сдавая коллоквиумы и подумывая о предстоящей зимней сессии, я буду писать ответное письмо старообрядцу из Ярославля. Но, как говорится, жизнь наша полна неожиданностей, и сегодня я получила весточку от Ивана Тимофеевича Овчарова, белокриницкого старOVERA и моего земляка.

С Иваном Тимофеевичем мы познакомились перед венчальной службой у церкви Владимирской Божьей матери в Коровниках (Ярославль). Подметив нашу экспедиционную компанию чужаков в толпе друзей и родственников молодоженов, он первым подошел к нам и начал благосклонно и наставительно рассказывать о браке и отношениях в семье. Потом разговор зашел о нем самом, и Иван Тимофеевич поведал нам историю своей жизни, пронизанную верой в Бога, упованием на его чудесную помощь и справедливость.

Родился он в 1941 году, еще до войны, в селе Ключи Кулундинского района Алтайского края. Его предки, донские казаки, переселились

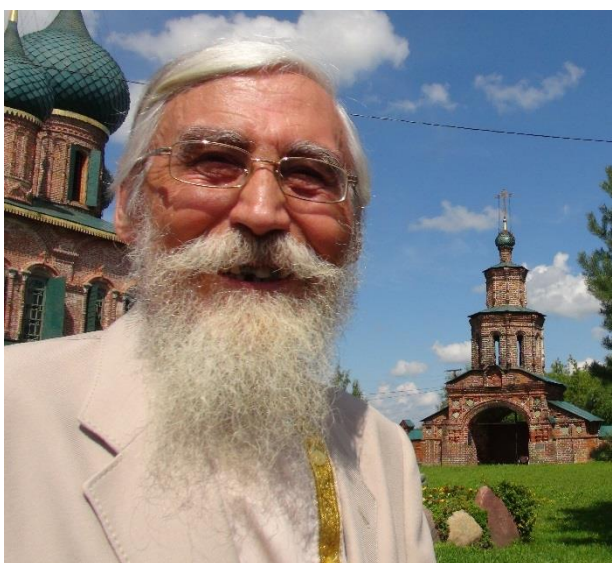
в Сибирь в начале XX в. (возможно, в рамках или под влиянием Столыпинской реформы, желая заодно уйти от религиозной притеснений). Причину разорения честного труженика деда Самсона, подвергнутого раскулачиванию в тридцатые годы, Иван Тимофеевич видит в погоне за материальным богатством, на месте которого должны быть духовные ценности. Отец, Тимофей Пахомович, был из середняков, работал в колхозе механиком – настраивал трактора и другие машины. Провожая его на фронт, мать (бабушка Ивана Тимофеевича) сняла с себя крест – символ победы над смертью, и надела ему на шею. Этот подарок и молитвы матери спасли сержанта Тимофея Пахомовича под Сталинградом, когда в его машину попал немецкий снаряд. Обрадовавшись возвращению отца, дошедшего с Жуковым до Берлина и узнав о его чудесном спасении, четырехлетний Иван впервые осознанно задумался о вере.

Окончив семь классов, поехал в город учиться в школе строителей на каменщика. Началась самостоятельная и активная жизнь, занятия спортом и общественными делами, с победами и трудностями, с которыми надо было справляться самому. Молитв он не знал, в церковь ходить не мог, но никогда не забывал о прощальном подарке матери – иконе Святого Николы, у которо-

го всегда просил помощи в беде. Благодаря его покровительству, как верит Иван Тимофеевич, он был включен в состав сборной Алтайского края и поехал на Олимпиаду народов СССР в Москву в 1959 году. «Пока поезд шел по Сибири, ни одного храма не видел, а как пересекли Урал, открылись Волга и Ярославль, купола, церкви, – рассказывает Иван Тимофеевич, вспоминая о впечатлениях юности, – вот бы пожить в этом городе, он настоящий, российский!» В этих словах чувствуется восхищение, теплота, с которой он вспоминает студенческое время. Пройдут годы, и мечта сбудется – он поселится в Ярославле, но до этого ему предстоит выдержать еще много испытаний.

После окончания школы стал мастером, начал готовить девушек-строителей, его бригада боролась за звание коллектива коммунистического труда. После тяжелой болезни, которую Иван Тимофеевич расценил как предупреждение, он решил собирать религиозную литературу, больше времени посвящать молитве, читать Евангелие. Вспомнил, как еще в школе на классном часе задумывался о смысле жизни: для чего я пришел в этот мир, почему должен его покинуть? Но так продолжалось не долго. В 1967 году внезапно вспыхнувшие конфликты с начальством и подопечными и нехотая подвернувшаяся драка привели к аресту и обыску в его комнате. Крест и религиозные записи, найденные на дне чемодана, только усугубили положение подсудимого. Два года усиленного режима с убийцами. Идеологическому врагу не могли помочь ни коллектив, ни комсомол.

«Все удары вразумляют человека» – считает Иван Тимофеевич. Сначала сидя в тюрьме, потом работая на Алтайском Тракторном заводе в числе заключенных, он дал себе обет: когда

окажется на свободе, в первую очередь пойдет в церковь и станет соблюдать христианские законы. Много он вытерпел – и жизнь в тесной камере с уголовниками, и угрозы, и подстрекательство к участию в чужих преступлениях... Но были и радости – нашел хорошего товарища, занимался привычной работой, получил шуточное прозвище Ваньки-Уса. Молитвы Святому Николае вновь помогли: на совещании по поводу его досрочного освобождения за него вступилась женщина-врач и убедила прокурора в его невиновности.

Выйдя из заключения, Иван Тимофеевич мог жениться на девушке-комсомолке, с которой он познакомился во время практики и переписывался последние два года, но он помнил о своем обещании. Ему удалось выяснить, что в Новосибирске и в Томске есть старообрядческие церкви. Пока собирался в дорогу, старший брат уговаривал его жениться на девушке из родного села, Иван боялся противиться ему (старший брат вместо отца в семье), но все же уехал в Новосибирск. В родном селе было тяжело оставаться – «встретил друзей, знакомых, они детей в школу ведут, а у меня никого... ни социализм не построил, ни в вере не был...». Примкнул к церкви, стал помогать строительством, узнал, что такое раскол, начал изучать богословие, в особенности Житие Сергия Радонежского, которого стал считать своим заступником наряду со святителем Николой. Церковь, к которой он так стремился, дала ему и подругу жизни Артемьеву Анну Даниловну. Община благословила их на создание старообрядческой семьи. Восемилетняя разница в возрасте не помешала выстроить отношения, основанные на любви, верности и традиционном главенстве мужа в семье. «Я родил, она дала жизнь трем сыновьям и шести дочерям», – говорит Иван Тимофеевич. Молодая старообрядческая семья поселилась в Томске, но вскоре их стали притеснять местные власти. Тогда Овчаровы отправились к товарищу в Гомель (Белоруссия), где глава семьи занялся переплетным ремеслом, а

оттуда, по приглашению другого хорошего знакомого, переехали в Ярославль. Иван Тимофеевич служил в Глухове уставщиком. Дочерей выдал замуж, сыновья женились, многие разъехались по России.

Фото сайта «Рувера»

Говорил Иван Тимофеевич очень прочувствованно, искренне. Видно было, что с большой теплотой вспоминает он свою малую Родину, где провел первую половину жизни, где учился, работал, отбывал срок, приобщился к вере и нашел супругу. В самом начале нашего знакомства выяснилось, что он из Алтайского края, как и я. Наверное, поэтому он обратил на меня особое внимание и часто обращался ко мне во время разговора. Я пообещала ему прислать посылку из Рубцовска, туда же вложила письмо с вопросами о Шодском монастыре, о его службе уставщиком, о воспитании детей в вере.

Вскоре пришел ответ. Обращаясь ко мне, как к внучке, Иван Тимофеевич пишет о неслучайности нашей встречи и поднимает те вопросы, которыми, по-видимому, он задается всю жизнь: для чего я пришел в этот мир? Почему должен его покинуть? Пишет, что был в Москве 14 октября, на праздник Покрова и предлагает встретиться, но, к сожалению, я узнала об этом только 17-го. Ответов на вопросы относительно Глухова и Шодского монастыря он не дает, но, по-видимому, рад возможности восстановить связи с алтайскими земляками и открыт для личной переписки. В письме есть номер теле-

фона Ивана Тимофеевича, его супруги Анны Даниловны и их сына – московского уставщика.

В следующем письме я планирую предложить свой ответ на поставленные старообрядцем вопросы и посильную помощь в восстановлении связей с алтайскими родственниками, а также попытаюсь узнать его мнение по некоторым богословским вопросам. Владимирского храма. Если это так, то время создания рисунков попадает в интервал между освящением церкви и началом 1780-х годов. Однако мы вступили на слишком скользкий путь предположений и гипотез. Главный вывод, напрашивающийся сам собой в результате тщательного анализа вичугского «Апостола» 1621 г., заключается в неразрывной связи этой книги с историей Костромского края. И в этом её непреходящая ценность.

Ксения Сироткина, 2 курс

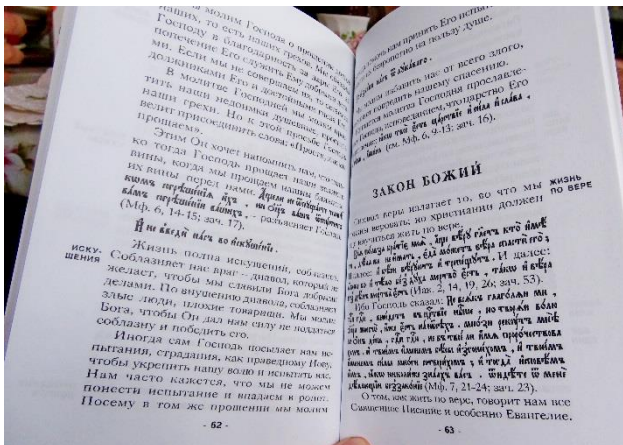
«СОВЕСТЬ, БЛАГОРОДСТВО И ДОСТОИНСТВО»: ЗА КАКУЮ ВЛАСТЬ НЕ СТЫДНО СТАРООБРЯДЦУ?

Строки из песни Б. Окуджавы, использованные в заглавии, прозвучали из уст человека, ставшего героем данной статьи. Представитель белокриницкого согласия, житель Архангельска, много путешествовавший по России и за рубежом, читающий и мыслящий – он отождествляет собой старообрядца XXI века: образованного, равнодушного, следящего за современными событиями и процессами, формулирующего к ним собственное отношение и умеющего отстаивать свои взгляды.

Знакомство с В.В. (1960 г.р., здесь и далее имя нашего героя зашифровывается из этических соображений) состоялось старообрядческом

селе Ярославско-Костромской епархии. В течение нескольких часов беседы выяснилось, что В.В. – очень эрудированный человек, хорошо ориентирующийся не только в вопросах старообрядческой веры и истории, но и российской истории в целом. Но наиболее интересным, на наш взгляд, является то, какими нашему герою представляются власть и политика в современной России. Он называет себя диссидентом или оппозиционером и убежден в том, что «власть делает неправильные вещи».

Критическое, тяготящее к отрицательному, отношение старообрядцев к светской власти после церковного раскола – это, пожалуй, историческая константа, не являющееся новшеством XXI века. Поэтому интерес вызывают частные вопросы: какой, по мнению современных старообрядцев, должна быть власть? как следует относиться к представителям власти? и каково отношение современных старообрядцев к политике сегодняшней России? Мы ответим на них в рамках нашего кейса – то есть устами В.В., предупредившего, что его мнение носит частный характер и его нельзя экстраполировать на всех старообрядцев.

Прежде чем анализировать суждения, высказанные В.В., укажем источники, из которых он черпает актуальную информацию. Первое, что следует заметить – телевизоры в квартире В.В. используются лишь в качестве экранов для просмотра фильмов, поэтому основным источником информации для него и его семьи является телевидение, а интернет, нацеленный на получение ответов на конкретные запросы и избавляющий от восприятия сплошного информационного потока. На просторах сети В.В. использует разные форматы «РБК» – негосударственного медиахолдинга, и электронный формат «Новой газеты», анонсирующей себя как «журналистские расследования о коррупции в бизнесе и во власти». Судя по некоторым приводимым аргу-

ментам, его базовым ресурсом также является портал «Рувера» – старообрядческий сайт, примиряющий старообрядцев разных согласий и популяризирующий знания о старой вере. Из радиостанций В.В. отдает предпочтение двум: «Радио Свободы» и «Эхо Москвы», уважая последнее «за возможность, которую оно дает всем проходящим – высказать свою точку зрения». Таким образом, наш герой избегает государственных СМИ и стремится к объективности, пользуясь ресурсами, провозглашающими независимость и вариативность мнений.

Взросление и становление личности В.В. выпало на «эпоху застоя». Однако в те годы он не был антисоветчиком. Его детство проходило в военном городке Пензенской области, где «было ощущение, что все есть». В 17 лет он уехал учиться в Нижний Новгород. Именно там В.В. впервые начинает задумываться о советском режиме. Этому способствовали разговоры со сверстниками, знакомство с творчеством В. Высоцкого (например, песней «Банька по-белому»), и доходившие до него слухи о культе личности, событиях в Новочеркасске и других реалиях СССР. Но этих отрывочных сведений было недостаточно для формирования резко негативной оценки: «Вообще ничего не знал! Ничего же не было, где читать-то! Диссидентства в моей среде не было. Никаких кружков я не посещал. Я был правозерным комсомольцем». Большую роль в «просвещении» В.В. сыграли дядя, давший прочесть «Окаянные дни» И.А. Бунина, и журналы «Новый мир» и «Юность». Наконец, особое впечатление на него произвел Варлам Шаламов, чью книгу он нашел на букинистическом развале.

К моменту распада СССР В.В. не был его ярким противником. Поэтому на Всесоюзном референдуме о сохранении СССР 17 марта 1991 года он проголосовал против лишь потому, что у него не вызвала доверия туманная формулировка «обновленная федерация», в которой предлагалось сохранить СССР. Оценка СССР сформировалась у В.В. позднее – она емко выражена в словах: «Пионерские лагеря существовали наряду с лагерями для политзаключенных». Поэтому своим оппонентам, ностальгирующим по пионерским лагерям, он приводит аргумент, что «это только часть, вы потяните одно звено, и у вас вся цепь вылезет».

Таким образом, рассмотренный этап жизни нашего героя – это время формирования его политических взглядов. Рассматривая отношение В.В. к современной России, мы уже имеем дело со зрелыми, устоявшимися оценками. Важным

моментом также является обращение В.В. в старообрядчество, что привнесло в его политические суждения основу и главный ориентир – христианские ценности.

Что В.В. говорит о своих политических взглядах? «Меня кто-то послушает, говорят: о, да ты либерал. Я не знаю. То есть вы сейчас скажете – мое отношение к семье – и скажете: о, да ты махровый консерватор... Или скажут: да ты демократ. Или либертарианец. Или еще кто-нибудь... Ярлыки навесить несложно. Вы просто спросите, что вас интересует. Мое отношение к смертной казни? Разумеется, я – против. Значит, я кто? Вроде как либерал. А как ты относишься к ЛГБТ-сообществу? Да как к представителям греха. Ну, значит ты консерватор. Не знаю. Я же их воспринимаю как грешников. А у меня неприятие-то не к грешникам, а к греху. Среди них – достойные люди. Но только я знаю, что это гибельный путь, для ребенка гибельный». Мы видим, что В.В. избегает отождествления своих взглядов с какой-либо политической идеологией и ставит во главу угла следование христианской морали.

Важно, однако, замечание, что «ни одни старообрядец не верит, что можно построить Царствие Небесное на земле». По его мнению, святая Русь – это идеализированный образ, подобно Китеж-граду или Беловодью: «Назовите период в нашей истории, который был святым. Всегда текли реки крови». Следовательно, можно только стремиться к созданию оптимальной политической системы. И в ее основе, по словам В.В., должна лежать личная ответственность каждого человека перед Богом. На этот счет он читает красноречивое стихотворение иеромонаха Р. Матюшина (1990):

Без Бога нация – толпа,
Объединенная пороком,
Или слепа, или глупа,
Иль, что еще страшней, – жестока.

И пусть на трон взойдет любой,
Глаголющий высоким слогом,
Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу!

Для В.В., помимо христианского фактора, важна сменяемость власти: «Если власть сменяемая, то никакой опасности в ней нет. Потому что нет совершенного человека. Даже если замечательного, отличного человека наделяют властью, он меняется тут же... В Америке сменя-

емость не значит, что это идеальная власть. Это значит, что у них есть прививка от того, чем более мы». Главное, что предотвращает сменяемость – это выдвижение на первое место интересов государства и подавление личности, причем, по мнению В.В., принципу «государство – машина для подавления» (В.И. Ленин) следовали не только большевики, но и династия Романовых, руководствовавшихся интересами государства, и нынешняя власть.

Можно ли молиться за несправедную власть? В.В. указывает, что сегодня за нее молятся в некоторых старообрядческих приходах. Спросив священника о том, почему он это делает, В.В. получил ответ, что так указано в Служебнике, и, кроме того, «мы молимся за то, чтобы направить ее на путь истинный». Такой ответ В.В. удовлетворил, так как это не противоречит его твердому убеждению, которое лучше всего выражается строками из 16-й кафизмы, которые он цитирует наизусть: «Благо есть надеяться на Господа, нежели надеяться на человека. Благо есть уповать на Господа, нежели уповать на князи». И от себя В.В. добавляет: «все, что вне Церкви, придумал человек, а то, что придумал человек – это не обязательно».

Показательна и та позиция, которую В.В. занимает в полемике вокруг фразы из «Послания к римлянам» апостола Павла, которая в Синодальном переводе звучит так: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1). Обращаясь к церковнославянскому оригиналу, В.В. указывает на то, что изначально она несла противоположный смысл: «Несть бо власть, аще не от Бога», то есть «не есть та власть, если не от Бога» (подробнее см. в статье: Пущаев Ю. Всякая власть от Бога? или О попытке превратить апостола в оппозиционера. 2017. URL: www.foma.ru/vlast.html. Дата обращения: 5.11.18). Примечательно, что на традиционном (первом) варианте перевода этих

строк сходятся как РПЦ, так и РПсЦ (см. статью из информационного ресурса «Современное Древлеправославие», где приводятся слова митрополита Корнилия о том, что «староверы не выступают против власти, поскольку понимают, что даже «худое чиновничество» – власть от Бога»: Гусев М. Митрополит Корнилий: «Всякая власть – от Бога». 2012. URL: www.starobrad.ru/modules.php?name=News2&file=print&sid=810. (Дата обращения: 5.11.18). Таким образом, оппозиционность взглядов В.В. выявляется на уровне библейских толкований, которые он, хотя и в исключительных случаях, ставит на службу своей аргументации.

Наконец, дадим оценку В.В. конкретным внешне- и внутривластных событий России и выявим те принципы, которые В.В. усматривает в российской политике и считает неприемлемыми.

1. Присоединение Крыма: «гадость, которую сотворили в 2014 году». Актуальнейшая тема для В.В., которую он так или иначе затрагивал на протяжении всего разговора. Главная причина недовольства В.В. заключается в том, что Россия посягнула на «чужую территорию», используя при этом принцип силы: «Разве можно брать чужое? Ты сначала добейся, чтобы стало нашим. Переговоры, купи, заплати деньги. Но что обижать-то, лежачего что бить-то... Не укради – заповедь есть. А мы украли, да еще силой... Это не христианский принцип». Другой причиной, по которой В.В. считает это действие незаконным – это нарушение международного права, которое он считает оптимальным способом разрешения территориальных споров.

2. Дело «Нового величия» (2018): «очередной срам». В.В. убежден, что дело сфабриковано: «“Новое величие” создали сами гэбисты, они спровоцировали молодежь... С кем они воюют, как хорошо они выбирают себе врагов...».

3. Протесты против фан-зоны на смотровой площадке возле Главного здания МГУ (2018): «Ну

и как там, комфортно? Свободолюбие, инакомыслие не приветствуется?.. То же и у нас: поведем себя принципиально – и завтра станем опять гонимыми».

4. Скандал вокруг панк-группы Pussy Riot, связанный с акцией в Храме Христа Спасителя (2012): «Я не сторонник того, чтобы человека уничтожать физически за то, что он сказал не то, что я хотел бы услышать». В.В. дает неожиданный комментарий по поводу своего отношения к осужденным участницам акции: «Как можно посадить в тюрьму за то, что они вышли и попросили Богородицу, чтобы ушел Путин?.. Ну, отшлепайте их, я не знаю, придумайте что-нибудь. Надо выписать им штраф большой – казна пополнится. Но сажать-то за что здесь? Они помолились так, как они молятся... Говорят, богохульство они там совершили. Но они же не ругали Богородицу, они же к ней обращались с молитвой. Так, как они это считали... То благо, которое они видели для страны». Отвечая на последовавшие вопросы студентов, заподозривших В.В. в необъективности в силу религиозной причины – неприятия РПЦ, В.В. пояснил, что РПсЦ не стала бы требовать уголовного преследования, потому что восприняла бы их как грешниц. Сам В.В. относится к ним как к юродивым, «современным, правда... потому что теми юродивыми все-таки двигала вера, они в вере были сильны, а здесь – нет. Ну, мальчишество, если это применимо к девочкам».

5. Дело Олега Сенцова (2015) – «вот это наш стыд, то, за что прощение надо просить». По мнению В.В., украинский режиссер отбывает тюремный срок по ложному обвинению, «сидит ни за что».

Таким образом, В.В. обвиняет российские власти в несправедливой внешней политике и попрании международного права (присоединение Крыма), ложных обвинениях и фабрикации уголовных дел против мнимых врагов государства и неугодных лиц («Новое величие», Pussy Riot, дело Сенцова), преследовании свободомыслия (фан-зона) и, наконец, в том, что они позволяют господствующей церкви оказывать влияние на законодательство (Pussy Riot). С одной стороны, перед нами типичный набор обвинений, выдвигаемых либеральной оппозицией. С другой стороны, В.В. говорит о том, что он «просто оценивает его поступки», не ставя своей целью ее систематическую критику: «Если завтра мне объявят о скоростижной смерти нашего правительства, я за него молиться буду. И уж тем более не буду злорадствовать».

В.В. убежден в том, что повлиять на текущее положение дел невозможно. Что же остается делать старообрядцу? «Я не знаю, как обустроить Россию, в отличие от Солженицына. Я делаю то, что могу делать. Для меня страна – это семья. За нее я буду отвечать перед Богом... Хочешь изменить мир – измени себя». После этих слов В.В. процитировал любимые строки – «Святое воинство» Б. Окуджавы (1988):

Совесь, Благодородство и Достоинство –
вот оно, святое наше воинство.

Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
но зато умрешь, как человек.

Елизавета Карпукова, 4 курс

КНИГА, КИНО И РАЗОЧАРОВАНИЕ: КАК СТАТЬ НОВЫМ СТАРООБРЯДЦЕМ

Среди современных городских старообрядцев нередко встречаются люди, которые не наследовали традицию от предков, а самостоятельно приняли решение перейти к «ревнителям древлего благочестия». Нельзя сказать, что это новое явление, – и в XVIII, и в XIX веках старообрядческие проповедники порой увлекали в «раскол» целые деревни. В постсоветской России старообрядчество привлекает городских интеллигентов, в своих духовных поисках открывших для себя мир коренной русской традиции. Этим летом мы познакомились с несколькими такими историями.

Книга

Игорь Владимирович Сагнак работал реставратором старинных книг в музее Ростова Великого, занимался историей старообрядчества. «В то время я был мирским человеком, который искал самоопределения в жизни». По его словам, он уже тогда решил, что путь его лежит к староверам, и ждал только знака, указания, какое из согласий выбрать. Побывав во многих общинах – и поповских, и беспоповских – ответа для себя он так и не нашёл. Совершенно случайно ему в руки попало издание угличского «летописца» XVIII века. «И вот эта вот книжечка, как гром среди ясного неба, как-то мне обозначила путеводное направление». Тогда он стал разыскивать другие рукописи: «Прочтя этот летописец, я понял, что памятник, текст такого уровня, такой глубины, не мог быть создан в единственном числе, что в Угличе, которому был посвящён этот «летописец», несомненно, было мощное.., мощная живая духовная традиция». Поскольку авторами этих литературно-богословских работ были в основном поморцы, конфессиональное самоопределение Игоря Владимировича наконец-то состоялось. «Действительно, это было главным чудом в моей жизни, путеводным знаком».

Образ города Углича и история его жителей оказались настолько впечатляющими, что не только определили дальнейшее направление научной работы, но и вдохновили на кардинальные изменения в жизни. Сейчас этот необыкновенно активный человек носит подпоясанную косоворотку, владеет целой усадьбой неподалёку от любимого города, занимается пчеловодством и, в свободное от фермерских трудов время, пишет статьи, готовит к публикации источники по истории Углича и председательствует в местном Родословно-краеведческом обществе.

Наше знакомство обернулось не просто беседой, а настоящей экскурсией по древнему городу, о котором, пожалуй, ни один другой человек не мог бы рассказать с большей любовью и большим знанием истории. Углич в его представлении – мистическая столица Рюриковичей, воплощённый Китеж, царский город, тесно связанный с судьбой династии и России в целом. Если прежде староверы в поисках легендарного Беловодья отправлялись далеко на восток, то Игорь Владимирович как будто нашёл его в Угличе. Он признаётся, что ему очень импонирует независимость угличан, которая проявилась, например, после гибели царевича Дмитрия (тогда в городе вспыхнуло восстание). Он верит, что городу ещё предстоит сыграть свою роль в истории. Например, если бы нашлись достойные потомки Рюриковичей, и Углич был бы отдан им в управление. Ведь именно Рюриковичи, по его мнению, были истинными правителями России, и даже о таком неоднозначном представителе династии, как Иван Грозный, он склонен говорить как о благе для страны, поскольку считает, что и через него действовали высшие силы.

К Романовым же, как оказалось, наш экскурсовод настроен весьма негативно. По его мнению, они самозванцы, несправедливым путём захватившие власть, убрав с дороги настоящих наследников – князей Михаила Скопина-

Шуйского и Дмитрия Пожарского. Даже убиенный царевич у них «не настоящий».

Кино

О другом случае нам рассказали епископ Костромской и Ярославский Викентий (Новожилов) и секретарь епархии Д.М. Коноваев. По их словам, несколько лет назад к ним обратилась группа людей из Вологды: они посмотрели телевизионный сериал «Раскол» и настолько впечатлились рассказанной в нём историей, что приняли решение вернуться к истокам и перейти в старообрядчество.

Действительно, двадцать серий этой картины, впервые показанной в 2011 году по каналу «Культура», стали первой масштабной киноинтерпретацией одного из самых трагических конфликтов в русской истории. Режиссёр «Раскола» Николай Досталь в интервью признавался, что создатели сериала стремились к исторической достоверности и старались понять мотивы всех участников спора о вере. При этом, именно старообрядцы были привлечены в качестве исторических консультантов. Неудивительно, что в итоге сериал привлёк пристальное внимание не только представителей разных старообрядческих согласий, но и людей, имеющих весьма смутное представление что о боярыне Морозове и протопопе Аввакуме, что о патриархе Никоне.

Любопытно, что второй раз тема «Раскола» всплыла в Рыбинске, где об этом же сериале с большим одобрением отзывалась представительница поморской общины. По её мнению, исторические персонажи там были представлены весьма впечатляюще, запомнились ей своей красотой и внушительностью и вдохновили крепостью в вере.

Разочарование

Там же, в Рыбинске, мы познакомились с ещё одним новообращённым старообрядцем,

ПЫТЛИВОСТЬ УМА И ОПЫТ ВЕРЫ: СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ И.В. САГНАК

Алексеем. Его предки вели свой род из Пошехонья, тех самых затопленных деревень, восемьдесят лет назад принесённых в жертву огромному водохранилищу. Алексей много читает, и с детства интересовался историей своего края. К белокрыницкой общине он присоединился, уйдя из РПЦ. Когда-то он был алтарником в кафедральном соборе Рыбинска, однако царящая там атмосфера его разочаровала. Ему не нравилась обстановка в общине. Несмотря на то, что епископ был «в целом неплохой», в общении с ним не было простоты и доверия, и отношения строились исключительно в формате «начальник – подчиненный». В поисках евангельской простоты и духа истонного православия, он пришёл к старообрядцам, и знакомство с владыкой Викентием окончательно утвердило его в правильности своего выбора. Теперь Алексей является активным прихожанином РПСЦ и носит косоворотку с поясом, не скрывая своей новой конфессиональной принадлежности.

Историй о переходе наших современников в старообрядчество существует великое множество, и эти три – всего лишь три случая, не претендующие на то, чтобы быть показательными или характерными. Отметим только одну деталь, которая их объединяет. Ведь И.В. Сагнак увлёкся не просто книгой, а угличанами, жителями «избранного» града; в сериале «Раскол» самое важное – не последовательность событий, а образы героев, художественная интерпретация исторических личностей; да и Алексеем руководило не только разочарование в «своей» общине, но и знакомство со старообрядцами, в первую очередь с владыкой Викентием. Личный пример, один из самых действенных методов обучения, тот, что связывает теорию и практику, и в деле веры, как и во многих других сферах общественной жизни, играет весьма существенную роль.

Д.А. Сундукова, Архлаб

К вопросу о старообрядческом неофитстве
Отдельной темой исследований нашей экспедиционной группы в последние годы стал анализ социального и личного феноменологического опыта старообрядческих неофитов. Здесь следует отметить, что для старообрядчества как культурного явления и образа мысли в общем, безотносительно деления на согласия и толки, процесс пополнения числа членов общин за счет перешедших со стороны, всегда имел место (хотя и не проявлялся в широких масштабах).

Впрочем, большинство современных потомственных старообрядцев различных согласий мало отличаются от своих новоприсоединенных единоверцев. Такие «коренные» старообрядцы в большинстве своем влились в общинную жизнь в достаточно зрелом возрасте. Лишь с началом активной церковной жизни их начинает интересовать родословная, общинные и семейные религиозные традиции.

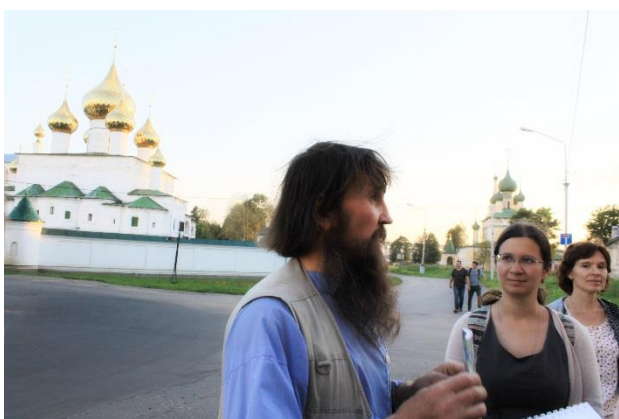
«Коренным» есть что вспоминать и на что хотя бы косвенно ориентироваться из опыта своих предков, а новообращенные, в большинстве своем не имеющие таких ориентиров среди домашних и родственников, казалось бы во всем должны подражать членам того старообрядческого сообщества, с которым они желают идентифицироваться. Однако, даже при большом желании, полностью порвать со своим прошлым может далеко не каждый. В результате «перешедшие» образуют особую прослойку в общине, отличающуюся от прочих представителей общины и взглядами, и поведением. Этот особый статус символически закрепляется в приходском дискурсе посредством речи: даже по прошествии десятилетий вся община помнит, кто из их числа «перешедший» и «переведенный».

Полевые исследования нашей лаборатории свидетельствуют, что среди перешедших в старообрядчество из других конфессий (в основном, из РПЦ МП) большинство решилось на этот шаг перед вступлением в брак по просьбе будущего супруга/ги, исповедующих старообрядчество. Редки случаи перехода, связанные с личным опытом веры, сознательным выбором нового мировоззрения. Подобное случается либо в результате мистического озарения, либо

как плод напряженных интеллектуальных поисков Истины. Наш герой принадлежит к числу немногих, пришедших к вере вторым путем.

Патриот Углича

Сагнак Игорь Владимирович (род. 13 февраля 1962 г.) – незаурядная и яркая личность. Предки его – выходцы из Украины и волжские немцы. По профессии он реставратор редких книг. В прошлом работал в Ростовском музее-заповеднике по своей основной специальности, затем переехал с семьей под Углич. Естественно, что работа с древними памятниками русской письменности способствовали увлечению нашего собеседника как идеалами древнерусской культуры, так и ее материальным наследием. Поэтому и неудивительно, что И.В. Сагнак известен как библиофил, знаток древнерусской литературы и, а кроме того еще и как главный местный краевед, по праву возглавляющий Угличское родословно-краеведческое общество им. Ф.Х. Кисселя. Более того, нашего героя можно назвать настоящим «русским хозяином». И.В. Сагнак вырос в Киргизии, так что с детства был знаком со скотоводством. Навыки скотовода пригодились – в «имении» под Угличем неутомимый хозяин поставил скотный двор. В 1990-х, когда прокормиться было сложно, завел пасеку и начал возить мед в Ростов-на-Дону, теперь же поставляет преимущественно в Москву и Петербург. На сегодняшний день И.В. Сагнак владеет самой крупной пасекой во всей костромской области и не оставляет планов по дальнейшему расширению хозяйства.

В последние годы Игорь Владимирович активно реализует свой исследовательский проект по истории угличского старообрядчества. Это именно крупный культурный проект, осуществляемый, можно сказать, силами одного человека. Деятельность И.В. Сагнака достаточно широка: это и работа с архивами, рукописями, с дальнейшей их публикацией; создание сборни-

ков и организация конференций; создание уникальных экскурсионных маршрутов по старому Угличу. Например, нашей группе посчастливилось стать свидетелями премьеры первой публичной экскурсии нашего героя по старообрядческому Угличу. Помимо сказанного, И.В. Сагнак в собственной жизни пытается воплотить идеалы старого русского быта. Так, он выкупил в центре Углича участок с одним из самых старых в городе памятником гражданской архитектуры – домом купцов Серебренниковых середины XVIII века, который он надеется восстановить в первоизданном виде.

У И.В. Сагнака свое особенное мировоззрение и свой особенный духовный путь. К старообрядчеству он пришел через интерес к теме самосожжений – старообрядческих «гарей». Кстати, термину «старообрядчество», предложенному в свое время Екатериной Великой как канцелярско-нейтральный аналог оскорбительному «раскольники», предпочитает самоназвание «староверие», а себя, соответственно, называет старовером. Но почувствовать свою близость староверию было мало – душа требовала насыщенной религиозной жизни. Предстояло определиться, к какому старообрядческому согласию присоединиться. После долгих поисков и размышлений И.В. Сагнак решил креститься у поморцев. В тот романтический период неопитства его представление о поморском согласии было идеалистическим: общинность раннехристианского типа вкупе с героическим идеалом соловецких сидельцев слились с выгорецкой ученостью и трудолюбием. Но идеалы разнятся с реальностью, а чаще всего откровенно входят с ней в противоречие. Видимо поэтому, наш собеседник и не искал возможности жить рядом с какой-нибудь крупной поморской общиной, а номинально числится поморцем и изредка приезжает к своему духовному отцу – известному в старообрядческих кругах наставнику В.В. Шамарину. Здесь же, в Угличе, отсутствие единоверцев отнюдь не удручает старо-

вера-романтика. Он собрал в своем разуме собственную общину из давно почивших угличских подвижников древнего благочестия: решительные и предприимчивые купцы, неутомимые в аскезе скитники и умудренные начетчики – собеседники под стать самому И.В. Сагнаку, который в ином месте, среди поморских старушек с комсомольским прошлым, чувствовал бы себя, по меньшей мере, неуютно.

Русская идея

И.В. Сагнак пытается не только описать Углич, собрать его артефакты, но и осмыслить роль этого маленького городка в контексте всей русской истории. Особое значение наш собеседник придает династии Рюриковичей – единственной, на его взгляд, легитимной династии, которая и до сих пор может претендовать на правление в России.

Романовы – другое дело. «Период Романовых – это трагическая ошибка, и это сразу проясняется, как только мы задаем себе вопрос, каким образом эта династия пришла к власти? Законно? Романовы – это большая фальшь, большая ошибка, именно при них началось тотальное западничество», – эмоционально и с увлечением излагает свою позицию И.В. Сагнак. Как краевед не без сожаления он добавляет, что эта ориентация на запад особенно четко проявилась в городской застройке – в планах улиц, в навязанных нам фасадах, стилях и формах.

Тем не менее в мировоззрении нашего героя явно чувствуются нотки хилиазма. Он считает, что возрождение Руси еще возможно. Игорь Владимирович делится своими планами по переустройству России: «Русь возродит лишь правитель единственной легитимной династии за всю историю России – Рюриковичей. Нужно вернуть старую русскую элиту. Страной должны править родовым способом».

Особенно важной фигурой как, для угличского староверия, угличан в целом, так и для всей России наш герой считает убиенного царевича Димитрия. И.В. Сагнак сетует, что никонианство извратило образ страстотерпца, убив в нем все святое елейной сентиментальностью, будто он святой только потому, что умер ребенком и всем его было жалко. «Нет! Царевич – не ребенок, он царь!» – восклицает И.В. Сагнак. «Это “Вечный царевич”, который всегда нами правит», – именно в подобных формулировках, по словам И.В. Сагнака, передает отношение угличан (самое верное) памятник старообрядческой письменности «Угличский летописец»,

которому главный знаток Углича посвятил отдельное исследование. И.В. Сагнак уверен, что если так начнут мыслить все россияне, то и Россия сможет измениться. Выход из «русского тупика» в Угличе, где находится сердце России.

«Вопросы философии»

К моему личному удивлению и радости И.В. Сагнак оказался большим поклонником В.В. Розанова: «Он был человек судьбы трагической, но говорил верно, он говорил правду, которую никто прежде не говорил». В творениях Розанова моему собеседнику открылась «горькая правда и большой секрет». Очевидно, что основные идеи «Метафизики христианства» и «Людей лунного света» запали глубоко в душу моему собеседнику.

Эта солидарность с В.В. Розановым особенно чувствовалась в речи И.В. Сагнака, так что уже становилось непонятно, толи он ссылается на Розанова, толи выражает свои мысли его цитатами: «Во всем этом монашеском образе жизни, навязываемом Церковью мирским людям, в ненависти к плоти, есть что-то манихейское. Ведь все эти правила появились как уступка, как особый дар Господа тем, кого Розанов назвал «людьми лунного света», чтобы они тоже могли спастись, а у нас это исключение возвели в норму». И.В. Сагнак со всей присущей ему основательностью воплотил розановские идеалы ветхозаветной семейственности в своей жизни, чему одним из явных подтверждений является большая семья Сагнака. В.В. Розанов, как известно, был апологетом многоженства, ссылаясь на примеры из быта ветхозаветных патриархов, закон о леверате и проч. Конечно, И.В. Сагнак состоит в браке с одной супругой, но ведь не случайно на старанице нашего собеседника в социальной сети «Вконтакте» отображается подписка лишь на одну группу – «Многоженство это естественно». Так же вслед за В.В. Розановым И.В. Сагнак уверен, что «любая плот-

ская связь – уже таинство брака, а через прелюбодеяние эта связь расторгается. На этом основании нужно строить новую систему и новую церковь».

Валентин Голубев, 1 курс, магистратура

СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ДЕТСТВО (религиозное детство в Советском союзе)

В этом году во время экспедиции поразительно много говорили о детстве, об особенностях старообрядческого воспитания в условиях жизни в атеистическом государстве. Наши собеседники охотно рассказывали о запомнившихся моментах, о том, как они сочетали религиозное воспитание в семье и светскую жизнь советского общества. В своем рассказе, основанном на одном из подобных интервью, я попробую рассказать о старообрядческом детстве.

Наша героиня родилась и выросла в окрестностях Костромы. В ее семье придерживались строгих правил, папа был очень религиозен и настаивал на воспитании детей в рамках строгого старообрядческого мировоззрения. Это не мешало детям (в семье их было 9) активно общаться с ровесниками, которые жили неподалеку. Но детей из этой семьи отличало то, что отец не выпускал их на улицу без полуночницы и благословения.

В округе царила довольно дружелюбная атмосфера, всей улицей ходили смотреть телевизор к одной из бабушек, которой дочка привезла его откуда-то из-за рубежа, все ходили друг к другу в гости, дети делились игрушками. Так, на всю улицу была всего одна гуттаперчевая кукла, привезенная одной из девочек из Германии ее отцом, но все дети в округе играли в нее по оче-

реди. В то время что-либо достать было проблемой, даже ведро для песочницы, поэтому все были очень бережливыми и творческими, сами шили игрушки и одежду к ним.

Одним из главных развлечений для девочек были классики, скакалка и резинка. Однако, отец нашей героини всегда резко выступал против этих развлечений, как и против просмотра телевизора. Он говорил, что только бесы скачут на одной ноге. Поэтому девочки были вынуждены убегать на другие улицы и прятаться, а потом каяться батюшке, что прыгали по классикам с банкой из-под гуталина да через резинку. Епитимью детям назначали не такую строгую, но лет с 7–8 уже говорили делать по 15–20 поклонов.

Дворицы, храм Рождества Богородицы

Отец также очень серьезно относился к чтению церковной литературы. Когда дети были еще маленькими и не умели читать по-старославянски, он сам им писал в тетради знаковыми им буквами, чтобы они молились. Лишь к 12 годам дети уже сами начинали учиться читать по-старославянски. При этом отец не настаивал на обилии даже религиозного чтения в жизни своих детей. По мнению нашей героини, а у нас нет оснований думать, что оно было сформировано не под влиянием отца, чтение – то, чем человек увлекается сам на фоне воспитания, которое было в детстве. Несмотря на то, что, ее

отец часто акцентировал внимание на необходимости чтения религиозной литературы, наша собеседница совершенно не проявляла интерес к чтению светской литературы в течение всей жизни, по ее словам, пойти в библиотеку можно только если уже нестерпимо захочется, но и то, она не совсем понимает, зачем это надо.

Героиня нашего рассказа выросла в доме, где не было библиотеки с гражданской литературой, только с религиозной (жития святых, служебные книги, предписывающие, как молиться в храме и дома, Пролог, Шестоднев). Когда что-либо читать задавали по литературе в школе, они брали книги в библиотеке, когда же хотелось читать художественную литературу во взрослом возрасте, то наша героиня брала ее у соседей. Домашней библиотеки со светскими книгами до сих пор не собралось в доме, остались лишь детские книги, которые наша героиня читала своим детям-дошкольникам. Несмотря на это, наша собеседница вспоминает, что в детстве часто рассказывали друг другу сказки, она их очень любила.

В школе отношения с ровесниками у детей из старообрядческой семьи складывались хорошо, хотя наша героиня изначально говорила, что дети могли дразнить и обзывать «староверские морды», но потом она сама себя поправляет: они не со зла, это им бабки, которые не знают ничего, наговорили, а дети и повторяют. Сложнее дела обстояли со вступлением в октябрята и другие школьные организации. Так, отец нашей героини был категорически против вступления детей в ряды пионеров. Он объяснял это тем, что так как все его дети носят кресты на шее, как же они могут еще что-то себе на шею повесить, тем более галстук – символ абсолютно противоположной идеологии. Это накладывало тяжелый отпечаток, наша героиня вспоминает, что учиться было тяжело духовно.

За учебой детей в семье не было принято следить. Мама нашей героини была всегда заня-

та хозяйством, она не учила дочерей рукоделию, она учила их корову доить да огород полоть, ей было некогда проверять дневник. Но наша собеседница все равно старалась учиться хорошо, потому что боялась, что маме все расскажет классный руководитель, если случайно встретится с ним на улице. Однако, наша собеседница уверена, отец не возражал бы, если бы его дети не ходили в школу.

Любимым предметом у нашей собеседницы была химия, а вот русский язык и литература ее никогда не привлекали. В выпускном классе экзамен по этому предмету пришелся на Вознесение. Несмотря на большой интерес к химии, накануне наша героиня выучила лишь первый билет. Утром она пошла в церковь и попросила благословения у батюшки. Потом отправилась в школу и на экзамене вытянула первый билет.

После школы дети помогали по дому. Всегда много работы в огороде, но ни у кого не было predetermined роли, папа каждый раз распределял роли. Мама была безграмотной, «ей некогда было», ей надо было за хозяйством следить. Мама героини всегда говорила, что у нас три матери: «Мать родная, земля да Пресвятая Богородица».

Вечерами сестры любили собраться вместе за столом: занимались рукоделием, делали уроки, шутили и рассказывали веселые истории из жизни. Это продолжалось в течение многих лет, пока старшие не вышли замуж.

Обычно новую одежду и игрушки покупали только старшим детям, а младшие – донашивали. Это порождает теорию нашей собеседницы о том, что современное общество слишком небрежно относится к вещам. Все покупают новую одежду просто потому, что «надоело». Дети не ценят игрушки, а лишь завидуют сверстникам, потому что тем купили что-то новое, а им – нет. Она считает, что подобное отношение порождает настоящую безнравственность.

В детстве нашей героини единственными обновками были вещи, сшитые сестрой, которая любила это дело. Из любых лоскутков могла сделать красивую рубашку или платье. Но родители всегда говорили, что первый раз любую вещь необходимо надеть в церковь, а потом можно уже просто носить. Также наша собеседница настаивает, что в церкви нельзя носить одежду, в которой ты был на улице. В старообрядческих церквях были специальные шкафы, в которых хранили сарафаны, иногда платки. В отличие от никонианских церквей, где все девушки приходят в церковь в чем попало, порядок в старообрядческих представляется нашей собеседнице наиболее ярким проявлением истинной духовности.

«Старообрядческое детство» не сильно отличалось от детства в обычной советской семье, однако все религия накладывала отпечаток на судьбы и отношение к жизни. Трудности, о которых наша собеседница не упоминала, но которые то и дело проскальзывали между строк в разговоре, безусловно, не упрощали жизнь. Походы в церковь пешком за несколько километров в любую погоду, ведь ни автомобиля, ни автобусов тогда не было, периодические насмешки окружающих...

Александра Азизова, 1 курс, магистратура

ОБЩИНА ПОМОРЦЕВ г. МАЙКОПА: между столицей и станицей

Майкоп – небольшой южный городок (около 144 тыс. человек), столица крошечной республики Адыгея. В Майкопе, как и в большинстве небольших южных городов, преобладает малоэтажная застройка и частные дома. Поэтому, при

сравнительно невысокой численности населения, город занимает достаточно большую площадь (около 60 кв. км). В этническом отношении состав населения очень пестрый: помимо русских, значительную часть составляют адыги, армяне, украинцы, черкесы и др. Город основан в 1857 г. казаками как часть линии военных укреплений на Кавказе. Конфессиональная картина города также весьма пестрая: в городе находится центр Майкопской и Адыгейской епархии РПЦ, республиканское Духовное управление мусульман, целый ряд протестантских церквей (в том числе баптистская и адвентистская), армянская апостольская церковь, до революции в городе действовал католический костел и синагога.

Старообрядцы в регионе появились вместе с казаками первопоселенцами. Наибольшее распространение получили белокриницкое и поморское согласия. Среди главных старообрядческих центров в республике стоит назвать станицу Ханская, где старообрядческая поповская община действует с середины XIX в., а также станицу Гиагинская, где в 1926 г. состоялся областной (Северо-Кавказский) поморский собор¹. В настоящее время на Кубани наиболее активными являются именно городские общины старообрядцев-поморцев. Среди них можно назвать общину Белореченска, Лабинска, Тимашевска, Сочи и Майкопа. Значительную часть прихожан городских общин составляют старoverы, выехавшие из станиц, а также переселенцы из Чечни (большой поморский центр был в Грозном²). Так, в поморской моленной г. Майкопа часть прихожан родом из станицы Гиагинской. Вообще приток в общину происходит в основном за счет единоверцев, новообращенных мало, чаще всего это те, кто принял крещение после брака со старообрядцем.

В настоящее время поморская моленная расположена на восточной окраине Майкопа, в то время как значительная часть общины живет на западе. Среди членов этой общины преобладают «городские» профессии (учитель, врач, повар в военной части, помощник в сапожной мастерской, рабочие/служащие, продавец на рынке и т.п.); большинство ведут «городской» образ жизни (нередко вообще без приусадебных участков) и как следствие происходит утрата связи с годичным кругом земледельческих работ. Во многих селах и станицах остаются доживать исключительно пожилые люди, а их дети и внуки стремятся перебраться в города, где проще найти работу и более комфортные условия для жизни. В Майкопе такой межпоколенный «разрыв» не ощущается (многие дети, внуки прихожан остаются в городе). В то же время проживание в городе накладывает и специфические обязательства – городские общины вынуждают проходить процедуру госрегистрации, вести финансовую отчетность. На нужды общины и моленной средства, как правило, изыскиваются внутри самой общины. Жертвователями в той или иной степени выступают все, кто посещает моленную: *«Нету никакого дохода, только если человек сам придет, положит в ящичек»*³.

В сельских беспоповских общинах Вятки мы фиксировали описание т.н. «помочей» – когда сложные сезонные или строительные работы в пользу того или иного члена общины делают «всем миром», к этому же виду внутриобщинного взаимодействия относится и «досматривание» за пожилыми одиночными членами общины. В Майкопе информанты также указывали на примеры адресной безвозмездной помощи внутри общины: покос травы, обрезка винограда, переплетение книг, перекрывание ветхих крыш. Но большинство этих примеров относилось к прошлому общины. Сегодня можно говорить о том, что значительная часть членов общины находится в очень преклонном возрасте и тех, кто уже не может сам посещать моления, навещают члены общины.

Наиболее значимым для местных поморцев является празднование престольного праздника и родительских суббот. К престолу вскладчину накрывают столы, приглашают представителей соседних общин. Немощным членам общины развозят после праздника по домам «кулёчки». Участие в поминовении усопших родственников нередко выступает для отдельных старообрядцев точкой ревитализации их духовной жизни. В дни родительских суббот служится панихида,

прихожане читают семейные синодики, а наставник читает синодик общины. После службы все собираются в пристройке к моленной на общий обед.

Помимо дней поминовения и престольного праздника, службы проходят по воскресным и праздничным дням. На Пасху происходит освящение куличей, которые на юге чаще называют «пасхи», «пасочки»:

*«Мы утреню заканчиваем, часы помолится и потом выходим во двор и расставляем там пасхи все, поем «Христос Воскресе», стихиры пасхальные, а Иван Семенович святит кадилом, идёт и святит. Вода, которую мы святим на Крещение Господне, она тоже не портится, даже на следующий год я даю даже детям маленьким пить её»*⁴.

Старообрядцы из близлежащих станиц за исполнением треб обращаются в общины Майкопа или Белореченска. Так, в 2014 г. мы побывали на крестинах младенца из ст. Гиагинской. В самой Гиагинской сохранилось историческое здание поморской моленной⁵, однако сегодня оно оборудовано под храм РПЦ. Вот как вспоминает о нем головщица поморской общины Майкопа: *«Ну, немцы когда были – они жили в этой церкви, пожилые четыре месяца, ну, загадили всё. А староверы потом любыми путями – кто покрасить, кто чего, и мы в сорок пятом году уже светили пасху в этой церкви. Только посветили, батюшку вызвали, говорят: “У тебя есть чем налог плотить за церковь?”, батюшка говорит: “Ну, придите, посмотрите, какой контингент людей, сколько ходят людей”»*.

Наставник принимает исповедь в общине чаще всего Великим постом (на третьей неделе). Он накладывает епитимию (дополнительные молитвы к обычному утреннему и вечернему правилу – чаще всего это 2-3 листовки⁶). Епитимию стараются «отмолиться» до страстной неде-

ли⁷. Тех, кто был крещен в старообрядчестве, но не исповедовался, не отпевают и не поминают в общине («панафиду не молятся»). Вступая в общину, кладут начал. Мужчины дают обет не бриться, женщины не стричь волосы и не краситься⁸. Особого женского костюма для молитвы на юге не сохранилось. Женщины надевают длинные юбки, блузки или кофты с длинным рукавом, закалывают булавкой платок. Мужчины надевают рубаху на выпуск и подпоясываются пояском. Наставник на службу надевает черный халат простого кроя⁹. Большинство прихожан кладут земные поклоны не в пол, а «на табуретку». Во время молитвы пользуются хранящимися в моленной подрушниками и (реже) лестовками. Сохраняется традиция заранее приготовить «смертную» одежду и подарки тем, кто будет участвовать в отпевании. Для женщин, венчанных в поморской церкви, сохраняется традиция облачения в повойник под платок, кроме того готовят саван, рубашку с поясом, сарафан, тапочки, подшальник, чулки, а также венчик, крестик, лестовку, рукописание¹⁰.

Общины Северного Кавказа активно участвуют в деятельности Российского Совета Древлеправославной Поморской церкви, ездят на собрания в Москву и Санкт-Петербург. В то же время местные общины осознают и берегут свои особенности. Так, пение в общинах ведется в основном со слуха, по напевке и у каждой общины есть свои особенности. Головщица Майкопской общины продолжает традиции пения Гиагинской моленной (мотив майкопских поморцев не совпадал раньше с гиагинским¹¹), в Лабинске на манеру исполнения оказали большое влияние выходцы из грозненских общин. В здешних общинах принято приветствовать друг друга фразой «Живы-здоровы», а благодарить «Спаси Христос».

Майкопская поморская община во многом обрела специфические «городские» черты (госрегистрация, профессии, быт), в то же время многих ее членов можно назвать продолжателями станичных, сельских традиций (особенно в отношении музыкальной культуры).

1. Постановления этого собора были переизданы самарскими поморцами в 2014 г.

Фотографии В. Жуковской, Ю. Сидинкиной, В. Елагиной, Н. Литвиной, Е. Воронцовой

Составитель номера, верстка Н.В. Литвиной

Редакторы Е.В. Воронцова, Н.В. Литвина

Археографическая лаборатория исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова – archlab@mail.ru

2. Там в разное время действовало до трех общин. ПМА, Лабинск. 2017.
3. ПМА. Майкоп, 2016.
4. ПМА. Майкоп, 2016.
5. В г. Лабинске построенное в начале XX в. здание моленной было разрушено в ходе боев в ВОВ. Новое здание было построено в 2000-е гг. ПМА. Майкоп, 2017.
6. Отмолиться одну лестовку=положить 100 земных поклонов.
7. ПМА, Майкоп, 2017. Полевой дневник Е.В. Воронцовой, л.18.
8. ПМА, Лабинск. 2017.
9. Строгой регламентации фасона этого халата не сохранилось, однако, как отмечают информанты, он не должен походить на рясу священника. ПМА. Майкоп, 2017.
10. ПМА, Майкоп, 2013.
11. ПМА, Майкоп, 2017. Дневник Е.В. Воронцовой. Л.3.

Е.С. Воронцова, Архлаб

